

Никита Михалков. Знаменитый Киев. - 1990. - 10 июля. - с. 4-5

● Такого сцена Дворца культуры «Украина» наверняка не помнит. Достаточно банальное начало, но действительно еще никогда на главной сцене республики, где проходили всевозможные официальные мероприятия, не было такого концерта, который устроили для детей Киева Татьяна и Сергей Никитины при самом заинтересованном участии театра-студии «Академия». Это был изумительный праздник, где дети были не только зрителями, но и самыми непосредственными участниками. Им разрешили: танцевать на сцене и в зале, водить хороводы с клоунами, петь, задавать вопросы... И не ясно, кто был в большем восторге: дети или их родители. И надо было видеть, как все вместе — взрослые и дети — пели с Татьяной и Сергеем «Весеннее танго»... Впрочем, журналистское дело все же — задавать вопросы.

Корр. — Интересно, что вы почувствовали, когда узнали, что вам придется выступать на сцене зала, где проходят съезды Компартии Украины, и что вы чувствовали, уже стоя на этой сцене?

Татьяна Никитина. — Никакого священного трепета.

Сергей Никитин. — Мы этого как-то сразу не осознали... Дело не в том, что здесь президиумы обычно сидят... Просто нам сообщили, что здесь больше зал.

Т. Н. — У нас судьба-то вообще очень странная. Нам приходилось и на сцене Кремлевского Дворца съездов выступать. (Честно!) Трепетать можно, когда выходишь выступать в зале Чайковского в консерватории. А здесь...

Корр. — Как вы сами объясняете успех своих песен? Полные залы, аплодисменты — почему? Вот вы сказали, что во Франции нашли таких же безголосых, как вы, чтоб они исполнили ваши песни по-французски... Но, наверное, это не единственная ваша отличительная черта?

С. Н. — Но мы не так, чтоб уж очень подчеркиваем, что мы непрофессионалы. Это Татьяна очень скромная у нас... Конечно, в том, что мы делаем, в том жанре, которому мы себя посвятили, мы профессионалы. Я не результат имею в виду, а наше серьезное отношение к этому. И серьезную большую работу, которая стоит за всем, за этой легкостью... А чем объясняем успех? Наверное, тем, что основа — настоящая Поэзия. Мы и двадцать лет назад пели Поэзию, и сейчас ее поем, если она настоящая, мы поем каждый раз по-новому, и каждый раз что-то для себя открываем.

Т. Н. — В наших постоянных напоминаниях о непрофессионализме есть некая ирония по отношению к тому положению, которое сложилось у нас в стране. Вы знаете, у нас если есть бумажка, — ты профессионал, а если нет — увя. Все эти искусственные структуры, союзы, которые часто абсолютно не обращают внимания на реального человека, никому, в сущности, не нужны. Дело ведь не в нас — мы когда говорили на эту тему с Полем Мориа, он просто искренне не мог понять, о чем мы... Профессионал — непрофессионал... Для них этого не существует. Рынок определяет твой вес. Конкурентный рынок.

Корр. — Кстати, о конкур-

ренции. Вы, наверное, почувствовали в последнее время конкуренцию со стороны тех, кто «говорит прямо». Но ведь настоящая-то Поэзия практически никогда не говорит в лоб. Существует какой-то обязательный уровень интонации, а сейчас, особенно рок-группы, режут «правду-матку» без всяких тормозов.

С. Н. — Это та же конъюнктура, та же спекуляция. Если ты ставишь перед собой какие-то благородные цели, а действуюешь лобовыми методами, то дискредитируешь саму идею.

Корр. — Да, но ведь не всегда так бывает. Скажем, тот же Шевчук...

свой огород. А слушателей мы друг у друга не перебиваем.

Корр. — Скажите, пожалуйста, в одной из песен вы цитируете Чехова — знаменитые его слова о выдавливании из себя раба. Насколько это актуально для вас самих?

Т. Н. — Конечно, выдавливаем. Ведь в наши поры впиталась робость, которую мы не замечаем, но она проявляется вдруг и в самых разных ситуациях.

С. Н. — Это одна из немногих песен, где все сказано «в лоб». Я даже как-то неуютно себя чувствую, когда исполняю ее. Может быть, она не будет жить долго в нашем репертуаре именно потому, что она лобовая. Хотя это сей-

всегда только освобождают. А когда через год встретились с чехами, то первый раз краснели за свою Родину. Что мы им могли сказать? Что нас никто не спросил? Но ведь те, кто молчит, становятся соучастниками. А потом была афганская война. Максимум, что мы могли с Сергеем сделать — не поехать в Афганистан. Мы отказались, хотя три раза нас просили поехать.

Что мы могли сказать этим ребятам?.. Только одно: уходите отсюда! Но мы же понимали — у нас сын, если бы его туда взяли — он не мог бы отказаться, уйти оттуда!

А Сахаров все сказал... А мы — рабы, все — рабы. Конечно, рабы, подавленные систе-

мы, но если вы вспомните! Съезд и наши телачки восторги по поводам весьма мелким, вам многое откроется. Сейчас все стало гораздо серьезнее, да и наша недовольственность увеличилась. Я настроена вообще пессимистически, но склоняю голову перед людьми, которые поставили все на то, чтобы при любых обстоятельствах двигать прогресс.

Корр. — Вы признаете в творчестве компромиссы? Если да, то до какого предела?

Т. Н. — Перед нами никогда не стояло такого вопроса. Мы ведь «добровольцы». Если кому-то не нравится, можем не петь: специальность есть. Может быть, нам по-

ны, но если вы вспомните! Съезд и наши телачки восторги по поводам весьма мелким, вам многое откроется. Сейчас все стало гораздо серьезнее, да и наша недовольственность увеличилась. Я настроена вообще пессимистически, но склоняю голову перед людьми, которые поставили все на то, чтобы при любых обстоятельствах двигать прогресс.

Корр. — Вы признаете в творчестве компромиссы? Если да, то до какого предела?

Т. Н. — Перед нами никогда не стояло такого вопроса. Мы ведь «добровольцы». Если кому-то не нравится, можем не петь: специальность есть. Может быть, нам по-

Т. Н. — К тому же — ни когда не состояли ни в каком союзе, не были членами никакой партии. Нас неоткуда было гнать. Конечно, борьба на радио, на телевидение шел. Вы можете сравнить репертуар концерта и то, что на пластинке. «Сито», что и говорить, было. Но на это мы не могли влиять.

Корр. — Семьи, подобные вашей, обречены на то, чтобы быть не столько даже в центре внимания, сколько в центре любопытства. Как вы к этому относитесь и какое противостояние против этого любопытства вы нашли?

Т. Н. — Ну мы же имеем дело с интеллигентными людьми! Вокруг нас ведь не «фа-ны!» У нас очень деликатные зрители.

С. Н. — Нет, мы не страдаем от наглого вторжения в нашу личную жизнь. Ну, конечно, порою приходится слышать, будто я ее бы или мы уже давно разошлись...

Т. Н. — Не один, кстати, раз уже «расходились»... Это все пережить можно.

Корр. — Еще один вопрос, по-видимому, персонально к Сергею. Во время концерта вы все время употребляете «политтермины»: «вожди и учителя», «даешь демократию». Необходимо ли это? Ведь вы сами сказали, у вас интеллигентная аудитория, нужны ли остроты в стиле «матрового» конференса?

С. Н. — Я не знаю, вписывается ли это или нет, видимо, это фон нашей жизни, ее быт. Как мне кажется, то же «Весеннее танго» наполняется сейчас новым ощущением, эмоциональным, человеческим, социальным. Я ведь это не специально делаю, это выплывает из общего настроения. Тем более, что на Украине еще требуется такие вещи говорить вслух. Здесь еще борьба продолжается, и все еще впереди. А вообще-то, может быть, скоро эти «репризы» уйдут. Это такие «бантики», которых может, конечно, и не быть. В принципе, в подтексте мы говорим то же самое.

Т. Н. — Я хочу добавить. Когда мы говорим «депутат Евтушенко» — это смешно, настолько нелепо для нашей страны, чтобы такой острый человек, как Евтушенко, стал депутатом.

Корр. — Какие песни вы поете на кухне теперь, когда времена «кухонной» гласности вроде бы прошли?

С. Н. — Все то же самое. Т. Н. — У нас никогда не было никаких «подпольных» песен. Все, что мы можем петь для себя, мы можем вынести на сцену.

С. Н. — Просто на кухне это все проходит отбор, на кухне мы своему сыну поем, своим друзьям, тем людям, которым доверяем, чьим мнением дорожим.

Т. Н. — Для нас кухня — творческая лаборатория и ОТК. И это, кстати, не только Никитины черты. Я знаю, что у Булата Окуджавы нет таких песен, которые бы он пел на этой самой «кухне» и не пел со сцены. То же самое было с Галичем и с Высоцким. Тяжелые, по-настоящему тяжелые времена были у Юлии Кима, когда им просто занимался Комитет госбезопасности. Он не имел возможности вообще выступать. И когда Юлий первый раз после этого вышел на сцену, то какое-то время он сам цензурировал себя, для него важно и дорого было то, что он снова стал выступать с концертами и, я думаю, что он сам себя готовил к тому, чтобы опять петь все, что он хочет.

С. Н. — Если случилось что-то из «песен для домашнего пользования» (юмор,

шаржи), то мы не выносили это на сцену из чисто эстетических соображений.

Т. Н. — Это плохо, когда у художника «сильное» — для «кухни», а слабое — для сцены. Наша позиция, если давят, — лучше не выступать вообще. Лучше дожидаться времени... В нашей стране авторская песня привыкла существовать в таких условиях. Владимир Высоцкий тоже не сразу вышел на сцену. Окуджаву и Высоцкий заставляли официальные круги признавать авторскую песню как явление. Хотя они не в таких залах, как «Украина», выступали, и Окуджаву до последнего времени не допускали в тот же Киев, тем не менее они не позволяли себе петь второго сорта песни ради того, чтобы выйти на эстраду. Они поднимали планку. Очень велика вина авторов, имевших двойную бухгалтерию...

С. Н. — Надо все-таки смотреть конкретные случаи.

Корр. — Всякое бывает. Бывало, что от этого зависело благополучие семьи...

Т. Н. — Тогда не надо брать! Это и есть компромисс. Я считаю, что человек должен быть ответственным перед тем делом, которым он занимается. Если ответственность за семью превращает его ответственность за... если хотите, честь мундира, то мундир лучше не шить вовсе!

С. Н. — Этот разговор чисто теоретический, и в теоретическом плане здесь можно выступать принципиально и резко. А если ты возьмешь конкретный случай, конкретного человека. Вот, скажем, говорим о Юлии Киме... Я думаю, что мы бы все выигрывали, если бы он не подписывал каких-то там писем, за что в результате он и лет из творческой жизни.

Т. Н. — Ну какое это отношение к компромиссу имеет? Что касается Юлии Кима, мы были просто обижены, мы видели лишь одну сторону его таланта. Но даже то, что он показывал, было первоклассно.

Корр. — Вы очень тепло говорили о Геннадии Шпаликове. Есть ли сейчас человек, который воплощает для вас все светлое, чистое в этом потоке мрака, захлестнувшим нашу жизнь?

С. Н. — Для меня — это академик Лихачев. Он заставляет меня мобилизовываться, не опускать руки, вся его жизнь заставляет меня стыдиться пассивности. Такие люди, как Лихачев, заставляют идти.

Т. Н. — Но тот же Дмитрий Сергеевич Лихачев стыдился своей жизни на фоне судьбы Андрея Дмитриевича Сахарова. Не всякая страна и не всякий народ имеет таких героев. Мне кажется, это очень важно. Можно прожить жизнь и не встретить такого реального человека, каким был Андрей Дмитриевич. Я надеюсь, что у нас в стране еще будут такие люди.

Беседу вели
В. ТКАЧ, С. ТИХИИ.

Татьяна и Сергей НИКИТИНЫ: «СОЗИДАТЬ СЕБЯ»

час актуально и волнует меня.

Т. Н. — И еще о рабстве. Ведь когда в шестьдесят восьмом году мы были молодыми людьми, нас потрясло вторжение войск в Чехословакию, все наши ровесники были против этого. Мы возмущались, у нас на кухнях шли бурные разговоры, но ведь только семь человек нашлось — тех, кто вышел на площадь. Мы — рабы. Нам это в голову вложили. Мы верили стране, ее армии. Для меня 68-й год — это рубеж, с которого началась полная переоценка. Вы даже не представляете себе, что мы тогда пережили. Мы-то верили, что Советская Армия

мой, мы не чувствуем себя личностями, не верим себе.

Корр. — Как долго продлится это рабство? Какое будущее поколение, наконец, забудет о нем?

Т. Н. — Вы знаете, я думаю, это зависит каждый раз от каждого человека в отдельности. За всеми этими массовыми движениями, которые развиваются в нашей стране, видится и трагическое — исчезновение Личности. Когда складывается не коллектив, а толпа, возможно, всякое, что уже и показало наша жизнь. Надо работать над собой, это чрезвычайно важно — создать самого себя. Созидать себя, потому что опять выясняется: «ни-

к примеру, вынуждены покидать Грузию, поскольку они дружны с Россией. Любят Пушкина... Это путь тупиковый. Только всем вместе можно бороться с системой, которая подавляла ее нации.

Корр. — Вы верите, что эта борьба может увенчаться успехом?

Т. Н. — Я б так не взялась утверждать, но не бороться нельзя.

Корр. — Бороться надо, но и шансы надо оценивать. Иначе не будет ли это борьбой ради самоуспокоения?

Т. Н. — Мы были в Киеве меньше года назад. За эти одиннадцать месяцев прожили огромную жизнь. Конечно, мы все равно не удовлетворе-

везло, но только дважды в жизни нас просили не исполнять что-то. А может, нас считали мелочью и поэтому не особенно давили. Несколько лет назад просили не петь «Майдан» (песня на стихи В. Коротича), недавно сказали, что именно из-за него Сергей не стал членом Союза композиторов. Мы тогда об этом не знали, но если бы знали, это никогда бы ни на что не повлияло.

С. Н. — Наша жизнь на сцене построена на абсолютно добровольных началах. Если нас хотели слушать — пели. Если нет — просто не шли выступать. Мы не служили ни в какой организации, которая могла бы приказывать.

